

Пик Коммунизма

Ирина Тулинова

Ирина Тулинова

Пик Коммунизма

<https://litres.ru/70516810>

SelfPub; 2024

Аннотация

В Альтернативной реальности XX съезд стал для коммунистической партии значимым, но не роковым. Культ личности Сталина не был развенчан. Советский Союз не распался, и трудовой народ пришел к долгожданному коммунизму.

Студент Арсений Снегирев мечтает строить космические корабли и в коммунизме не сомневается. Но так ли все безоблачно в мире победившей утопии?

Содержание

Часть 1 Город будущего Глава 1 Снегирев	5
Глава 2 Необычное имя	17
Глава 3 Стекло и Бетон	36
Глава 4 Агитпроп	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Тулинова

Пик Коммунизма

Ирина Тулинова

Пик коммунизма

Моему супругу, спутнику и союзнику

Максиму Тулинову

Часть 1 Город будущего

Глава 1 Снегирев

Светлое будущее наступило: в Польше и Венгрии, в Румынии и Чехословакии, в Китае и Корее построили долгожданный коммунизм. В Советском Союзе – сердце коммунистического мира – были преодолены все буржуазные пороки и пережитки. Общество жило по принципу «от каждого по способностям, каждому – по потребностям». Советский народ шел от победы к победе: первый отправил человека в космос, построил лунную станцию и готовился к колонизации Марса. Все творческие силы строителей будущего были брошены на то, чтобы советские космические корабли достигли этой красной планеты первыми. Потому как победил коммунизм не везде.

Капиталистические страны во главе с Соединенными Штатами Америки продолжали тянуть прогрессивный мир в хаос апартеида, безработицы и эксплуатации. Военная машина капстран продолжала поработать развивающиеся страны. Советские пролетарии боролись с засильем капиталистов в Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Но самая главная битва шла за космос, и сильнее всякого оружия в этой войне была пропаганда.

Снегирев спешил. Закончив работу в автомастерской, куда его на лето пристроил отец, он наспех принял душ. Насухо вытирая волосы, Снегирев хорошенько рассмотрел себя в зеркало. Он был среднего роста, а телосложение выдавало в нем заядлого спортсмена (каждый вечер Снегирев проводил на турнике). На загорелом круглом лице, которому он всегда старался придавать серьезный вид, слегка пробилась щетина. Большие серые глаза обрамляли черные ресницы. Нос прямой. Волосы темное-русые. Еще раз все проверив и пригладив шевелюру, Снегирев пошел на почту. Она тоже должна было скоро закрыться, но он уговорил сторожа, чтобы тот впустил.

Крохотное деревянное здание почты было в самом центре колхоза, около сельсовета. Внутри, кроме бюро, за которым лежали посылки, стоял небольшой стол с ЭВМ. Электронная машина состояла из пузатого монитора с цветным экраном, системного блока, клавиатуры и мыши. В городе, как говорили, ЭВМ-ы были с тонкими мониторами и работали шустро, но в колхозе «Красный путь», где жил Снегирев, были рады и этому.

– Добрый вечер, дядь Ваня, я только проверю – может, ответ пришел.

– Валяй, – буркнул сторож, – только не долго.

ЭВМ запускался, как казалось Снегиреву, целую вечность, и шумел, как мотор трактора. Наконец черный экран стал голубым, и Снегирев подключился к ОГАСу.

ОГАС – общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации – была запущена в восьмидесятых, чтобы управлять экономикой и планом. В те далекие времена партфункционеры из-за лени или из желания навредить доводили до того, что товаров народного потребления на всех не хватало. На улицах толпились огромные очереди за продуктами, а предметы быта или одежду приходилось покупать на черном рынке. С введением ОГАС государство смогло в режиме реального времени контролировать выпуск необходимой продукции, что навсегда изменило быт и приблизило советский народ к коммунизму.

Основанная на принципах кибернетики, система со временем решила проблему бумажной волокиты и стала незаменимой для коммунистов. Через ОГАС можно было записаться к врачу, получить билет в кино или театр, а если свободных билетов не оказывалось – забронировать места на следующий сеанс. ОГАС связывала все регионы Советского Союза в единую сеть. В городе к ОГАСу можно было подключиться через спецтерминалы, они стояли на каждом углу. В колхозах, где надобности в таких терминалах не было, подключались через ЭВМ.

Снегирев зашел в личный электронный кабинет, введя свой ИНГ – индивидуальный номер гражданина. Он слагался из даты рождения, номера записи из роддома и почтового индекса по прописке. В электронном кабинете находилась вся личная информация о Снегиреве: анкетные дан-

ные, электронные документы и почта. В его анкете значилось: Снегирев Арсений Петрович; год рождения: одна тысяча девятьсот девяносто пятый; место рождения: Воронежская область, колхоз «Красный путь»; семейное положение: холост; статус: комсомолец.

К своему двадцати одному году Арсений Снегирев окончил школу с золотой медалью, прошел обязательную военную службу и год заочно отучился на рабфаке. А теперь он ждал ответ на заявку.

Новых писем не приходило. Арсений вздохнул. Он вновь зашел в ОГАС и выбрал электронную страницу «Пик Коммунизма». На экране появилась красочная иллюстрация, изображающая ультрасовременный город, в центре которого высилось здание, похожее на высотку МГУ. Краткая справка сообщала, что город-университет «Пик Коммунизма» объявляет набор студентов на две тысячи шестнадцатый – две тысячи семнадцатый учебный год. Ниже перечислялись специальности, списки экзаменов, необходимых для зачисления, и фотографии. На снимках студенты с радостными лицами гуляли по огромному парку, окружавшему университет, слушали лекции, проводили эксперименты в лаборатории и делали физзарядку в огромном спортивном зале.

– Ну, чего? – голос сторожа вернул Арсения в реальность.
– Пришло письмо?

– Нет... Ничего. Спасибо, дядь Вань, что впустил. Пойду домой.

– Ага, ты это... Не горюй сильно, если не примут.

Снегирев шел домой, не видя ничего перед глазами. Результаты экзаменов уже должны быть известны. В город-университет «Пик Коммунизма» мечтал поступить каждый сознательный выпускник. Но всех подряд туда не брали – отбор был очень строгим. Если показатели здоровья абитуриента не дотягивали до показателей космонавта, а экзамены хоть по одному из предметов не дотягивали до оценки «отлично», он не проходил. Сбор в университет начинался в середине августа. То, что ответное письмо на заявку не пришло, означало только одно – отказ.

Дома родители, брат, недавно вступивший в комсомол, и три младшие сестры сидели за столом. Мать взволнованно взглянула на Арсения, но ничего не спросила.

– Садись, остыло уже. Мать положила, а ты бродишь где-то, – уронил отец.

Отец Арсения, Петр, суровый и грубый мужчина, сидел, облокотившись на стол. На его лице пролегли морщины, выдавая его возраст и усердие в труде, а от одежды пахло мазутом. Арсений совсем не походил на отца. Свою внешность он унаследовал от матери. Его мать Мария, стройная и статная женщина, носила длинную русую косу, собрав ее в кольцо на затылке. Она родила его уже поздно – в двадцать лет, а следом еще четверых. Советское правительство считало, что

женщина способна родить восемь здоровых детей, но от всех этого подвига не требовало. Однако для тех женщин, что родили восемь и более детей, правительство создало специальные санатории повышенной комфортности.

Сестры с видимым отсутствием аппетита пытались дожевать слоеную запеканку с печенью.

– А ну, ешьте! – приказала им мать.

– Ну, мам!

– Ешьте, печень полезна – в ней много железа.

– Она невкусная.

Отец усмехнулся.

– Вот молодежь пошла! – проговорил он. – Дед мамалыгу ел, тогда ничего не было после войны.

– Малылыга? Что такое малылыга? – в один голос начали спрашивать сестры.

– Не малылыга, а мамалыга – каша такая из кукурузы.

– Фу.

– Будешь голодать – все съешь. Мы в ваши годы с матерью уже работали. В счастливое время живете. А ты где был? – спросил отец сына.

– На почту ходил.

Все затихли и уставились на Арсения. Тот молчал, опустив голову.

– Так, пионерки, – скомандовал отец, – поели? Идите мусор сортировать.

– О, нет! – запротестовали сестры.

– Василий, ну-ка скажи, как там?

– Забота об экологии приближает нас к коммунизму, – поучительно ответил юный комсомолец.

– Вот. От каждого по способности, каждому по потребности. Помоги им, Вася.

Брат увел сестер в сени, где стояли три небольших контейнера для раздельного сбора мусора и один специальный для стеклянных бутылок – за них давали специальные талоны. Колхозы стремились к коммунизму, но еще его не достигли, потому талоны были в ходу. Работники получали определенное количество их за трудовень, это зависело от квалификации и партийного статуса. За сданную государству продукцию колхозы тоже получали талоны, разделяя их между колхозниками.

Талоны заменили деньги, превратив крестьян из мещан-собственников в работников производства. Сельскохозяйственные машины позволяли обрабатывать огромные посевные площади, а удобрения и селекция повысили урожайность.

– Ну что там? – спросила Арсения мать.

– Ничего...

– Не взяли? – переспросил отец.

– Не пришло письмо.

Отец вздохнул.

– А сбор когда?

– Скоро уже...

– Знаешь, – начала мать, – ты можешь и в колхозе остаться, отец тебя пристроит.

Тот кивнул.

– Нет...

– Это раньше ничего не было, сейчас-то на все талоны дают. Через ОГАС опять же можно достать.

Снегирев молчал.

– Ну, в город тогда. Я с дядей Мишей договорюсь. Дядю Мишу помнишь? Он на оборонном заводе работает. Устроит тебя, комнату дадут. У них-то в городе настоящий коммунизм, даже талонов нет. Заходи в магазин – бери, что хочешь и сколько хочешь.

Снегирев помотал головой.

– Мы никаких институтов не кончали, – упрекнула Арсения мать. – И ничего! Отец, скажи ему.

– Порешил – пусть ждет, – ответил тот. – Не поступит – работа всегда найдется.

Снегирев через силу принялся жевать запеканку, стараясь не думать больше о заявке и не пришедшем письме. Мать молча убирала со стола тарелки и искоса посматривала на сына.

В Советском Союзе у выпускника было много перспектив: все университеты были открыты перед преданным коммунизму отличником, но Арсений мечтал попасть именно в «Пик Коммунизма». Снегирев бредил звездами. С детства он зачитывался книгами о далеком космосе, изучал строе-

ние звездных систем и схемы космических кораблей. «Скоро Советский Союз колонизирует Марс, – размышлял Снегирев, – может, случится дожить и увидеть это своими глазами. А может, удастся создать корабль, который полетит к далеким звездам». Он хотел выучиться на инженера, чтобы строить космические корабли. Нужная специальность была только в университете «Пик Коммунизма», именно поэтому Арсений так стремился попасть туда.

После ужина Снегирев пошел в комнату отдохнуть, однако отдых не заладился: в голову лезли разные мрачные мысли. Арсений решил прогуляться, чтобы взять себя в руки и отвлечься от тяжелых раздумий.

Снегирев побрел к турникам, там он позанимался немного, но бросил. Оттуда Арсений пошел к реке и уселся на берегу.

Зеркальная гладь воды отражала закат солнца. Звезда таяла над лесом, обрамляя его плавно изогнутой золотой чертой. Деревья уже начинали желтеть, только дуб, стоящий у самого берега, как мрачный исполин, раскинул свои резные, ярко-зеленые листья. Мгновение – и солнце покрыло их светом, точно позолотой.

Но Снегирев не видел ни дуба, ни солнца, он их не замечал. Он думал о Марсе, который готовился колонизировать советский народ, о далеких галактиках, ожидающих покорения.

Арсений мечтал поступить в «Пик Коммунизма». Он был

комсомольцем, учился на отлично, много читал, занимался спортом и сдавал нормы ГТО, а потому верил, что легко пройдет по конкурсу. Теперь же, когда ответ на заявку не пришел, Снегирев почувствовал себя растерянным. Что делать дальше, он не знал. Почти стемнело, когда Арсений наконец поднялся. Он шел домой, но ноги сами принесли его к зданию почты.

– Ты чего? – усмехнулся дядя Ваня, открывая дверь. – Счастья попытать хочешь?

– Ага, – обронил Снегирев.

На свинцовых ногах он снова вошел и запустил ЭВМ. Подключившись к ОГАСу, Снегирев увидел на странице почты уведомление о новом письме. Арсений уставился на него, не в силах открыть. Собравшись с духом, он кликнул на значок. Письмо он читал через слово: «Явиться в сборный пункт не позднее двадцать второго августа», «при себе имеешь комсомольский билет», «средства личной гигиены», – мелькало у него перед глазами. Снегирев еще раз прочел письмо. В нем сообщалось, что он зачислен на первый курс университета, на специальность «инженер-конструктор космических кораблей».

– Поступил! – воскликнул Снегирев, обхватив руками голову. Он часто задышал, пытаясь унять волнение. – Приняли в университет!

– Молодчина! – обрадовался сторож.

– Только пока никому, – ответил Арсений. – Я сам скажу!

– Я – могила! – ответил дядя Ваня.

Снегирев вернулся домой поздно и, никому не сказав о поступлении, лег спать. Он долго не мог заснуть, размышляя о том, как поедет в университет и что увидит там. Пик Коммунизма на фотографиях выглядел, как в фантастических фильмах: повсюду автоматы, терминалы, роботы. Учеба не обещала быть легкой, но трудностей Снегирев не боялся, он только переживал о том, как ему освоиться в городе.

Утром он неожиданно проснулся, услышав, что кто-то настойчиво стучит в дверь дома. Это соседка тетя Нина ни свет ни заря явилась к матери.

– Мария, – услышал Снегирев, – а ты когда проводи сыну будешь делать?

– Так он еще не поступил, может, не придется его провожать, – ответила мать Арсения.

Снегирев вздохнул, понимая, к чему все идет.

– Как не поступил. Приняли его! – тетя Нина была, как всегда, настойчива.

– Он вчера ходил вечером – не было письма, – возразила Мария.

– Иван сказывал, – голос тети Нины принял заговорщицкий тон, – что Арсений дважды к нему заглядывал. Первый раз ничего не пришло, а второй раз письмо было. Он сам видел.

– А нам ничего не сказал... – оторопело ответила мать

Снегирева.

Весь колхоз уже знал. Не успел Снегирев встать, как мать напустилась на него за его молчание. Она с одной стороны была горда, а с другой – боялась отпускать сына. Отец был, как всегда, тверд:

– Приняли – значит, есть к нему доверие. Надо отправлять.

Целый день Снегирев принимал поздравления и наставления. На проводы пришел весь колхоз. Мать суежилась, собирая Арсения в дорогу. С собой требовалась одна смена одежды, предметы личной гигиены и документы. До пункта сбора нужно было добираться самому, они были в каждом регионе Советского Союза. Было решено, что Снегирев остановится в городе у родственников, а в понедельник отправится в университет.

– Ты напиши, как доедешь, – наставляла мать. – А потом не забывай, звони нам.

Снегирев обещал и писать, и звонить, и усердно учиться. Он был так счастлив, что почти ничего не замечал, все словно происходило не с ним. Перед отъездом он плохо спал ночь, не веря в то, что его мечта сбылась.

Глава 2 Необычное имя

В пункт сбора, указанный в письме, нужно было явиться двадцать второго августа, то есть через два дня. Отец отвез Арсения до ближайшей автобусной остановки. Автобус проехал мимо и в колхоз не заворачивал. Снегирев добрался до города, остановился у родни, а в назначенное время пришел на место сбора студентов в гостиницу «Коммунист». Было утро, около десяти часов. В вестибюле полукруглого здания гостиницы за длинными столами сидели сотрудники приемной комиссии в форменных красных жилетах. Толпа студентов стояла в ожидании, к столам тянулся тонкий ручеек очереди. Когда Снегирев подошел к столу, сотрудница спросила строго:

– Фамилия, имя, отчество и специальность.

Снегирев ответил.

Сотрудница сверилась с листом.

– Вас нет в списке.

Снегирев опешил:

– Как нет? Я получил письмо.

– Проверь по номеру, – подсказала другая.

– Назовите ваш ИНГ.

Снегирев назвал номер.

– Гм, в электронном списке есть. Вам прямо и налево.

Следующий.

– А, резервный, тебе к нам, – обратился к Арсению молодой комсорг, когда Снегирев нашел указанное место. – Сейчас мы вас всех распределим, и поедете грызть гранит науки.

– А почему резервный? – спросил Снегирев.

– Ну, не в общем списке. Не бери в голову.

Снегирев быстро забыл этот неловкий момент и это слово «резервный». Он был счастлив, что поступил. В помещении были и другие студенты, они, как и Снегирев, ожидали отправки в университет. Ждать пришлось чуть больше часа, после студентов распределили по группам и повезли на железнодорожный вокзал. Там их торжественно посадили на поезд «Красная стрела». Толпа провожающих и простые горожане стояли с флажками и шариками около огромного плаката, изображающего космонавтов, готовящихся к взлету. «Мы способны на все!» – гласил плакат. Снегирев жалел, что среди провожающих нет его родителей, сестер и брата. Родители не могли покинуть колхоз в неурочное время, тем более, шла уборочная кампания. Некоторые студенты стояли около своих семей. Но многие, как и он, ожидали в вагоне.

Ультрасовременный поезд «Красная стрела» был самым быстрым в Советском Союзе, он мог разогнаться до пятисот километров в час, но обычно шел со скоростью триста. Вагоны поезда были оборудованы удобными мягкими креслами, откидными столиками и вентиляторами, установленными под потолком. Снегирев еще не успел познакомиться с

другими студентами, которые то парами, то группами стояли в вагоне, весело обсуждая что-то. Когда поезд тронулся, чтобы понести его в счастливое будущее, Снегирев не стал искать себе место, а устроился на свободной площадке у окна.

Через несколько минут, как только поезд покинул город и набрал скорость, из репродуктора раздалась запись, обращенная к студентам:

– Внимание, товарищи! Здравствуйте и добро пожаловать в Пик Коммунизма 237! Наш город-университет – один из трехсот городов-университетов Советского Союза. Мы принимаем в свои ряды лучших выпускников, готовых учиться и работать самоотверженно ради счастливого будущего. Если вы здесь – значит уже доказали, что достойны вступить в наши ряды. Теперь ваша цель найти в университете свое место. Помните, что студенты нашего университета культурны и вежливы, спортивны и не имеют вредных привычек. Учеба – ваше основное занятие! Каждый день вас ожидают три аудиторных занятия по полтора часа каждое. Для подготовки к занятиям, проектам и исследовательским работам пользуйтесь учебным центром и библиотекой. За хорошую и отличную учебу студенты получают баллы, которые могут использовать по своему усмотрению.

Помимо учебы вы будете работать. Четырехчасовой рабочий день пять раз в неделю. Вас распределят на работу в сборочный цех, пресс-центр или бюро переводов.

Кроме общежития, для вас будут работать спортивный

центр, больничный комплекс и обсерватория. Все здания нашего города-университета полностью автоматизированы.

Напоминаем, что успешное окончание университета гарантирует вам вступление в партию, а лучшие студенты могут выиграть путешествие по Советскому Союзу.

Ваше путешествие займет около трех часов. Счастливого пути!

Когда динамики замолчали, Арсений все еще стоял и смотрел в окно. Поезд то сбавлял, то набирал скорость. За окном плыли леса, пригороды с заводскими комплексами, пионерские отряды то тут то там работали на полях, убирая картофель. Снегирев раздумывал над тем, как устроен город и трудно ли ему будет учиться. Ему не хотелось упасть в грязь лицом и провалить первую же сессию. Снегирев твердо решил для себя, что будет думать только об учебе и работать усердно, как того требовали условия.

Неподалеку от него сидела группа девушек. Они на вид были младше Снегирева. Девушки не проходили обязательную военную службу и могли поступить в университет раньше: в восемнадцать-девятнадцать лет. Одна из девушек рассказывала о чем-то, а другие слушали ее с большим вниманием. Девушка стояла, опираясь на кресло. Стройная и гибкая – она носила короткие черные, как вороново крыло, волосы, которые переливались на солнце, а карие глаза искрились радостью. Арсений невольно залюбовался ею. Одна из

девушек заметила это и шепнула что-то на ухо своей соседке. Подруги дружно захохотали. Черноволосая девушка взглянула на Арсения и тоже улыбнулась. Снегирев сердито отвернулся. Он хотел провалиться под землю или, на худой конец, прыгнуть с поезда.

Но тут к нему подошли два комсомольца. Первый среднего роста, как и Снегирев, и такой же спортивный. На его футболке сиял золотой значок ГТО. Сам комсомолец был рыжеволосый и улыбчивый, с лицом, усыпанным веснушками, и курносый носом. Он улыбнулся, глядя на Снегирева. Второй, его компаньон, одного роста с первым; светлолицый, но с темными миндалевидными глазами и темными волосами.

– Привет! – непринужденно обратился первый к Арсению. – Ты тоже резервный?

– Да, – ответил Снегирев.

– Я – Маркс, – протянул руку рыжий. – А это Биробиджан. Он – мариец, из республики. А я из пригорода. Наверное, мы потому и в резерве, что коммунизм у нас еще не наступил, – предположил он. – А тебя как зовут?

– Арсений, – ответил Снегирев.

– Ого! – удивился Маркс. – Необычное у тебя имя – редкое.

– Почему родители тебя так называли? – спросил Биробиджан.

– А, это в честь прадеда.

– Он у тебя, видимо, верный коммунист был, раз тебя на-

звали в его честь.

– Да, коммунист, – ответил Арсений.

В семье мало говорили о прадеде. Снегирев почти ничего о нем не знал. Он сетовал на родителей, что они дали ему такое старомодное имя.

После революции детей начали называть в честь известных коммунистов и политических деятелей. Мальчику могли дать имя Владимир – в честь Ленина, или Эрнст – в честь немецкого коммуниста Эрнста Тельмана. Девочек называли Кларами – в честь Цеткин, или Розами – в честь Розы Люксембург. В ходу были и сокращения имен: Владлен, Вилиан, Виленор – от Владимир Ильич Ленин; Мелис – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин; Лестабер – Ленин, Сталин, Берия. Сокращали не только имена: например, имя Кармий было сокращением от «Красная Армия», Реввол – «Революционная воля», Делор – «Дело Ленина – октябрьская революция», Изиль – «исполнитель заветов Ильича»; имя девочки Гертруда было сокращением от «героиня труда», Лаиля – «лампочка Ильича», Диамара – «диалектика плюс марксизм», Элина – «электрификация плюс индустриализация».

Имена на основе лозунгов вроде Дазвсемир от «Да здравствует мировая революция!» или Даздрасен — «Да здравствует седьмое ноября!» и Дележ – «Дело Ленина живет» по большей части не прижились. Они были очень сложны для произнесения и написания, к тому же детей, носивших такие имена, дразнили в школе. Но кроме сокращений имен или

лозунгов, детям давали имена по названиям месяцев, городов, рек и даже химических элементов. Никого не удивляли Майи, Каиры, Уралы, Рубины и Гелии. Дореволюционные имена, как у Снегирева, все еще были в ходу в колхозах и пригородах. Но от них все чаще отказывались, ссылаясь на приближение коммунизма. В перечне, который рассылали по колхозам, среди рекомендованных имен были также запрещенные имена: девичье имя Бухарина от фамилии Бухарин, Ледат – Лев Давидович Троцкий; Лентрош – Ленин, Троцкий, Шаумян.

Маркс и Биробиджан носили вполне обычные имена, которые никого не удивляли. Комсомольцы тоже поступили на инженерную специальность.

– Вместе будем учиться.

– Здорово! – Арсений был рад знакомству.

– Так у вас все еще называют детей старинными именами? – спросил Биробиджан.

– Нет, просто мои родители так захотели. Меня вот назвали Арсением, брат у меня Василий и три сестры Вера, Александра и Наталья. А тебя почему так называли? – спросил Арсений Биробиджана.

– А, моим родителям просто название понравилось. Они нас всех называли в честь городов.

– А меня в честь кого бы вы думали? – пошутил Маркс.

– Как же мы сразу не догадались! – рассмеялся Снегирев.

– У меня отец – марксист, – пояснил Маркс. —И меня за-

ставлял Маркса зубрить: прибавочная стоимость, эксплуатация, накопление капитала... Да еще и диалектика эта... Никкак ее не освою. Мечтал, что экономиста из меня вырастит. Но, как видите, ничего не вышло. Ракеты буду строить.

– А там ничего сложного в диалектике: базис – это производственные отношения, а надстройка – это идеология, – объяснил Биробиджан.

– Тебя на экономический нужно было поступать, а не на инженера, – ответил на это Маркс. – Представляешь, – обратился он к Снегиреву, – он даже на рабфаке не учился.

Снегирев удивился.

– Да, – признался Биробиджан. – У меня только школа и армия. Мы историю КПСС и диалектику материализма в школе проходили.

– Белая кость! – пошутил Маркс.

– Красная! – ответил на это Биробиджан.

Юноши рассмеялись.

– Над чем смеетесь? – раздал за спиной у Снегирева девичий голос. Он звучал немного обиженно.

– Да вот, Маркса обсуждаем, – объяснил Биробиджан.

Снегирев обернулся. Перед ним стола та самая черноволосая девушка. Она, по-видимому, подумала, что юноши обсуждают ее. Снегирев замер, сердце его учащенно забилося.

– И что смешного в Марксе? – спросила девушка, немного повеселев.

– А слышали ли вы каламбур: «дух коммунизма бродит

по Европе»? – спросил Биробиджан девушку.

– Конечно, это выражение принадлежит Карлу Марксу.

– Дух бродит, понимаете, бесплотный дух.

– Ну да, – ответила девушка, не понимая.

– Как же материалист может рассуждать подобным образом?

Все опять дружно рассмеялись.

– Что ты морочишь девушке голову! – упрекнул Маркс Биробиджана. – Кстати, как вас зовут?

– Сталина. А вас? – ответила та.

– Сталина, – Маркс попробовал имя на языке, – красивое имя. А я – Маркс.

– Так это они вас обсуждают?

– Тезку моего, – улыбнулся Маркс.

– А вас как зовут? – спросила Сталина мари́йца.

– Биробиджан, – ответил он.

– А вас? – Сталина взглянула на Арсения.

Они мгновение смотрели друг на друга. У Снегирева перехватило дыхание. Он хотел ответить, но язык не слушал его.

– Его зовут Арсений, – ответил за Снегирева Маркс.

– Арсений? – спросила Сталина удивленно. – Это так, – она подбирала слова, – старомодно, – наконец, нашла она нужное слово. – У нас так уже давно не называют детей.

– Это потому что у вас уже коммунизм наступил, – объяснил Биробиджан.

– А разве у вас не наступил? – спросила Сталина.

– Советский Союз огромный, дойдет и до нас коммунизм,

– пояснил Маркс. – А вы на какую специальность поступили?

– Мы поступили на переводчиц, я и мои подруги. Вон они,

– Сталина указала на группу девушек, хихикающих неподалеку.

– Что же они боятся подойти? – спросил Биробиджан.

– А мы сами к ним подойдем! – заявил Маркс. – Товарищи девушки, комсомольский привет!

– Привет! – оживились переводчицы.

Попутчики начали знакомиться. Вместе со Сталиной ехали еще четыре девушки: Клара, Лаиля, Майя и Искра. Арсений их особенно не разглядывал. Он только запомнил, что Лаиля светловолосая и голубоглазая, Искра и Клара темно-волосые, а Майя шатенка с короткими, как у Сталины, волосами. Все девушки были одного роста и примерно одного телосложения, словно их отбирали специально. Арсений изредка поглядывал на Сталину, но сам заговорить с ней не решался.

Девушки удивлялись необычному имени Арсения. Снегирев только хмурился и отмалчивался.

– Вы переводчицы? – уточнил Маркс.

– Да, – ответили девушки все вместе.

– А мы инженеры. Космические корабли будем строить.

– Это, наверно, так сложно, – возразила Лаиля.

– А зубрить чужой язык не сложно?

– Нет, конечно. Мы готовились к этому со школы.

– Какие языки будете изучать? – спросил Биробиджан.

– Клара и Майя выбрали корейский и китайский, а мы втроем будем европейские языки изучать – английский, немецкий и французский.

– Буржуазные языки, – пояснил Биробиджан.

– Пусть так, но ведь и их нужно знать! – обиженно ответила Лаиля.

– Ну что вы, не обижайтесь. Все профессии нужны.

– Знать языки дружественных нам стран политически правильно, но языки потенциальных врагов знать куда важнее, – выручила Сталина подругу.

– Как верно сказано! – похвалил Маркс.

– А что ваш друг такой молчаливый? – спросила Сталина.
– Арсений, расскажите о себе.

– А что рассказывать... – смутился Снегирев. – Я в колхозе родился и вырос, школу закончил, в армии отслужил, потом рабфак. Теперь вот поступил в университет.

– Как интересно, а что, до сих пор существуют колхозы? – спросила Клара. – Я от бабушки о них слышала.

– У вас до сих пор не платят зарплату? – спросила Майя.

– Нет, почему, родителям дают талоны на продукты и продовольственные товары.

– Что, настоящие? – удивилась Майя. – Я имею ввиду, бумажные талоны.

– Да, бумажные.

– Ничего себе! – девушки удивлялись все больше.

Снегирев отвечал неохотно, ему казалось, что эти девушки смеются над ним и над колхозниками за то, что те еще не построили коммунизм.

– А ОГАС у вас не работает?

– Работает. Мы все к нему подключены. А в остальном отстаем немного.

– Завидую вам, Арсений, – ответила вдруг Сталина.

– Почему? – изумился Снегирев.

– У вас, да и у всех колхозников есть великая мечта – построить коммунизм. А вот мы его уже построили.

– Значит, нужно мечтать о чем-то другом, – просто ответил Снегирев.

– Да, но о чем мечтать, если высшая цель уже достигнута? – спросила Сталина.

– О, все философские вопросы обращайтесь к Биробиджану, он у нас в диалектике разбирается, – ответил Маркс.

– Боюсь, что диалектика в таких вопросах бессильна, – ответил Биробиджан. – Но, полагаю, успешное окончание университета и есть высокая и достойная цель.

Все согласились с Биробиджаном.

Поезд снова сбавил скорость.

– Сколько нам еще ехать? – спросила Лаиля.

– Наверно, еще часа два. Поезд отправился в одиннадцать утра. Едем около часа, – ответил Биробиджан.

– Может, прогуляемся по поезду, поглядим, что здесь

есть? – предложила Сталина.

– Отличная идея! – поддержал ее Маркс. – Тут как раз в соседнем вагоне ребята фильм смотрят.

– О, и какой же? – спросила Клара.

– «Чапаев», я его уже видел.

Арсений вместе со всеми отправился осматривать поезд. Соседний вагон тоже был оборудован креслами. Там сидели студенты, некоторые слушали музыку через беспроводные наушники. Громадный проигрыватель, к которому они дистанционно подключались, стоял неподалеку. Другие читали книги.

– Салют! – поприветствовал их Маркс. – А книги где взяли?

– Там за кинотеатром библиотека, – объяснили читатели.

Миновав спальный вагон, товарищи увидели кинотеатр. Вдоль одной из стен на полотне мелькали кадры черно-белого фильма. Кресел в вагоне не было. Повсюду лежали мягкие, похожие на мешки сиденья. На них сидели студенты в одинаковых футболках.

– Что, не закончился еще? – спросил Биробиджан. – Это тоже наши с курса, – объяснил он Снегиреву. – Весь вагон заняли. А это Арсений, с нами будет учиться, – представил он Снегирева плечистому светловолосому парню.

– Приятно познакомиться, меня зовут Нинель, – протянул тот руку Снегиреву. – Меня старостой назначили, так что,

если трудности какие будут – обращайся сразу ко мне. Во всем помогу. Тебя как зовут?

– Арсений Снегирев.

– Арсений?.. – удивился Нинель.

Все обернулись на Снегирева.

– Странное у тебя имя, – ответил староста. – А ты откуда, не из Воронежа?

– Нет, он из Монголии, по обмену приехал, – пошутил Маркс.

– А-а-а.

– Да врет он, я из области, из колхоза «Красный Путь».

– Удивительно! У вас так еще детей называют? А это кто с вами?

– Это Сталина, – представил девушку Снегирев, – с подругами. Они с курса переводчиков.

– А, переводчицы, переводчицы нам нужны. Оставайтесь, девушки, сейчас «Бриллиантовую руку» будем смотреть.

– Все ее уже видели! – возразила Лаиля.

– Это классика! Нестареющая классика отечественного кинематографа.

– Мы в библиотеку пойдем, почитаем что-нибудь. – ответила Клара.

– Ну, как знаете!

На экране красноармейцы сражались с внезапно напавшими белыми. Градом летели пули. Красноармейцы самоотверженно сражались с врагом. Батурина, державшего пулемет,

сразила вражеская пуля. Чапаев героически переплывал реку.

Библиотека, располагавшаяся через вагон, была ничем не примечательна. Книги толпились на невысоких полках, разделенных на категории. За столами для чтения сидели несколько студентов. Они начали шикать на вошедших, призывая их к тишине.

– Что читаете? – громко спросил Марк.

– Тише! – ответил один из первокурсников. – Здесь же библиотека.

Марк закатил глаза и проговорил:

– Еще не прибыли в университет – уже взялись за книги.

– Советский Союз – самая читающая страна в мире! – с гордостью ответила на это Сталина.

Следом за библиотекой шел «Красный уголок». Он весь был полон коммунистической символикой. Вагон был обшит красными панелями. В углу висел громадный портрет Ленина с подписанными внизу знаменитыми цитатами вождя об образовании и просвещении. Рядом по стене тянулись портреты Маркса, Энгельса, Сталина и Луначарского. Посреди вагона под стеклянными витринами были выставлены макеты зданий университета и другие его достопримечательности. На противоположной стене в стеклянных рамках висели фотографии и отрывки статей, касающихся истории университета.

Маркс встал в комичную позу под портретом своего тезки и спросил Биробиджана:

– Ну что, похож?

– Похож-похож, только бороду нужно отрастить.

Девушки захохотали. Снегирев тоже улыбнулся удачной шутке и пошел разглядывать модели зданий.

– Тут скучно, как в библиотеке, – проговорила Искра. – Одна история.

– Давай почитаем, – Майя поняла подругу за собой.

– Ух ты! – удивился Арсений, не ожидавший увидеть здесь макет космического корабля. – «Энергия»! – восхищенно протянул он.

На витрине под стеклом стоял макет ракеты 11K25 на старте. Сама ракета-носитель выглядела как початок спелой кукурузы, по бокам к ней крепились четыре ускорителя такой же формы, но гораздо меньшие по размеру и с немного скошенными вершинами.

– Что это за ракета? – спросила Сталина Арсения.

– Сверхмощная ракета «Энергия», – ответил тот.

– Насколько мощная? – спросила Искра.

– Сто семьдесят миллионов лошадиных сил.

– Ого! – девушки обступили витрину, с интересом рассматривая ракету.

– А для чего она предназначена? – спросила Лаиля.

– Вот здесь к ракете крепится космический челнок – Снегирев указал на небольшой самолет, прикрепленный сбоку

– его ракета выводит на орбиту, а сама сгорает в атмосфере. Ракета выполнена по двухступенчатой схеме с параллельным расположением четырех кислородно-керосиновых ракетных блоков.

– Ну что ты как на лекции, – перебил Снегирева Маркс, – девушки с ума сойдут со скуки.

– Нет, напротив, нам очень интересно, – ответила Искра.
– Арсений, продолжайте.

Снегирев увлеченно рассказывал об «Энергии». Он отвечал на вопросы девушек, уточняя и поясняя. Ракеты были для него кислородом, которым их заправляли.

– Так вот, сначала сгорают эти четыре блока, – объяснил Снегирев, – а потом основной носитель, а космический челнок по завершению возвращается на место старта.

– Как?

– Как обычный самолет.

– И куда же можно долететь на такой ракете? – спросила Сталина.

– Только до Луны. Для Марса нужны более мощные ракеты.

– А сколько она весит? – спросила Клара.

– Если считать вместе с челноком – две с половиной тысячи тонн. Если без челнока, то на сотню меньше.

– Две с половиной тысячи тонн?! – воскликнула Майя.

– Да! – с гордостью ответил Снегирев.

– Вот это мощь! – восхищенно проговорила Лаиля.

– Космическая мощь!

– И вы будете конструировать такие ракеты? – уточнила Клара.

– Конечно, – ответил Снегирев, – и даже куда мощнее. Для Марса, Венеры и для покорения далеких звезд!

– Не он один будет ракеты строить! – возмутился Маркс.
– Мы с Биробиджаном тоже инженеры.

– Ладно тебе, – похлопал Биробиджан товарища по плечу, – не завидуй!

– Хм! Чему тут завидовать.

Снегирев только пожал плечами.

После красного уголка подряд шли спальные вагоны. Минув их, товарищи попали в вагон-ресторан. Он был полностью автоматизирован. Вдоль обеих сторон стояли столики и стулья, а в начале вагона металлическим блеском сияли терминалы с едой.

– То, что нужно! – воскликнул Биробиджан. – Самое время подкрепиться.

Все успели проголодаться после экскурсии. Внутри терминалов, которые были похожи на холодильники со стеклянными дверцами, студенты нашли продолговатые тюбики с первыми и вторыми блюдами, консервные банки с десертами и тушенкой и «буханки» хлеба размером со спичечный коробок.

– Космический обед? – осторожно спросила Сталина.

– Ага! – ответил Маркс, вынимая фиолетовый тюбик.

– Привыкайте: в университете только так и кормят. Кому борщ?

Девушки удивленно захлопали глазами.

– Он шутит, космонавтов давно так не кормят. Сейчас в космосе питаются сублиматами – высушенная еда: разводишь кипятком, и перед тобой полноценное блюдо. А в университете будут хорошо кормить – там современная автоматизирования столовая.

Девушки неуверенно выбрали себе по тубику. Снегирев взял тубик с борщом и мясо с перловой кашей в консервной банке. Рядом с бойлером для кипятка нашлись пакеты с растворимым чаем.

– М-м... – вкусно! – Лаиля попробовала свое блюдо.

– А то! – ответил Маркс. – Лучшая еда в мире.

Все расселись за столики и приступили к обеду.

Пока студенты обедали, поезд сбавил скорость и начал медленно приближаться к городу. Он прошел через мост над рекой, сделал поворот, и перед Снегиревым и его товарищами открылся удивительный вид.

– Ого! – в один голос воскликнули девушки.

– Ничего себе! – проговорил Биробиджан.

– Ух ты! – крикнул Маркс.

Перед ними был город будущего.

Глава 3 Стекло и Бетон

Поезд медленно подполз к станции, огибая город, стоящий на берегу реки. Из окна открылась сказочная панорама города-университета. Он был небольшим: всего несколько причудливых зданий, высотки и многоэтажные жилые дома. В центре города был виден парк. На берегу реки возвышались стеклянные дома, похожие на колонны. Самое высокое здание из непрозрачного стекла было увенчано флагштоком, на котором развевался красный стяг. Рядом стояло здание на пару этажей пониже, оно напоминало парус корабля, вместо стен там тоже было стекло. Снегирев видел все, что происходило внутри здания. Третья высотка стояла у самого берега. Она стояла на высоких сваях и была похожа на водонапорную башню. Каждый отдельный этаж выглядел, как бочка: с узкими окнами вверху и окнами-люками примерно посередине. К башне крепился прозрачный прямоугольник, внутри которого полз лифт.

Снегирев никогда не видел ничего подобного, поэтому смотрел на город не отрываясь. Он редко выезжал из своего колхоза, пока учился в школе, да и в пригороде, где жили его родственники, не было зданий, подобных этим.

– Совсем не так, как на фотографиях, – проговорил Биробиджан. – Глядите, это – обсерватория, – он указал на бес-

форменное здание с куполом. — А рядом, должно быть, центр здоровья.

Центр здоровья выглядел, как две трапеции и несколько кубиков, которые щедро насыпала чья-то рука. Рядом с центром здоровья располагался бассейн под открытым небом.

Студенты не успели рассмотреть весь город — поезд прибыл на станцию, где их уже ждали. Станция находилась недалеко от города. Там студентов распределили на группы, и они отправились в город пешком. Снегирев попал в одну группу с Марксом, Биробиджаном и девушками, с которыми они познакомились в поезде. Кроме инженеров и переводчиц, в их группе были химики, экстратерральные геологи и кибернетики.

Их экскурсоводом оказался третьекурсник, тоже инженер, по имени Ким. Его азиатская внешность выдавала в нем узбека. Он казался ниже ростом, чем Снегирев и его товарищи, но был мускулистым и подтянутым.

— Так, первокурсники! — весело обратился он. — Добро пожаловать в наш город! Сегодня я проведу вам экскурсию. Но сначала немного истории. Наш город — один из трехсот городов-университетов. Это вы знаете.

Первокурсники закивали.

— А знаете ли вы, что все эти города-университеты объединены в единую сеть? — Вот там, — Ким показал вдаль, — у самого центрального корпуса стоит вышка связи, она усиливает сигнал и помогает нам связываться со всеми города-

ми-университетами по всему Союзу.

– Ничего себе! – воскликнула Искра.

– Да, и в скором времени мы сможем связаться с ними, чтобы отправить свой дружеский привет.

– Тропосферная связь? – спросил Снегирев.

– Она самая!

Пока Ким рассказывал об университете, студенты приблизились к Пику Коммунизма и увидели первую достопримечательность – огромные ворота, на гигантских столбах которых был растянут транспарант, гласивший: «Мы способны на все!» Сразу за воротами располагалась спортивная площадка, здесь были турники, беговые дорожки, всевозможные спортивные объекты.

– Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья! – весело заявил Ким. – Здесь можно заниматься спортом, укреплять здоровье и готовиться к сдаче ГТО. Там дальше футбольное поле, баскетбольная площадка...

– А спортивные соцсоревнования будут? – спросил Маркс.

– Обязательно! Первого мая соревнования между факультетами, а в июне-июле – мини-олимпиада. Будем состязаться с другими университетами. Так что выбирайте спортивную секцию и тренируйтесь как следует. А теперь идем дальше!

Дальше был центр здоровья. Причудливые геометрические формы здания скрывали обычную больницу с новейшими приборами для выявления болезней и проведения ана-

лизов. Кроме больничного, внутри был и оздоровительный комплекс, включающий барокамеры, грязевые ванны, массажные кабинеты и спелеопещеру.

– Здесь лечебная вода, и гидротерапия, и бальнеотерапия, и карбокситерапия – все, что захотите. Там внутри все роботизировано, есть инструкции как всем этим пользоваться, – объяснял Ким. – Можно хоть каждый день сюда приходить, но лучше посоветоваться с докторами.

Миновав центр здоровья, экскурсионная группа остановилась перед композицией из трех высоток.

– Здесь у нас административные здания. В этом, – Ким указал на здание с непрозрачными стеклами, – находится бюро переводов, конструкторское бюро и много чего еще.

– Что именно? – уточнила Клара.

– Это гостайна! – ответил Ким. – Вход туда строго по пропускам. Но если вы студентки иняза – вход туда вам обеспечен.

Девушки заулыбались.

– А вот это здание мы зовем «Парус», туда можно проходить свободно. Мы сейчас зайдём внутрь, и вас всех зарегистрируют. После регистрации встречаемся у белой колонны.

– На водонапорную башню похожа, – заметила Искра.

– Так и есть. Это задние повторяет гениальный проект архитектора Рейшера. Только несколько увеличена. Если будет время – заглянем и туда.

– А что внутри? – спросила Сталина.

– Там у нас пресс-центр. Выпускаем университетскую газету. А теперь вперед, на регистрацию.

В здании, которое Ким назвал парусом, былолюдно. Студенты по одному подходили к столам для регистрации. Добродушная сотрудница администрации спросила у Снегирева ИНГ и протянула небольшую анкету, которую тот быстро заполнил.

– А теперь я сниму у вас отпечатки пальцев.

– А это зачем? – удивился Снегирев.

– Так положено!

После процедуры регистрации сотрудница выдала Снегиреву продолговатый электронный прибор с тонким экраном и парой кнопок снизу.

– Что это?

– Вы из резервных? – понимающе спросила сотрудница.

– Да, – угрюмо ответил Снегирев, чувствуя себя дураком.

– Это КПК – карманный персональный компьютер. Здесь доступ к электронному расписанию и все необходимые материалы к занятиям. Сами активировать сумеете?

– Разберусь.

– Можете прямо с КПК позвонить семье, если у них есть такое устройство.

– Нет, там только ЭВМ.

– Тогда можете написать им или отправить аудиосообщение, что вы добрались. Там в конце коридора есть кабинки.

Снегирев нашел кабинки связи, почти все они были пу-

сты. Первокурсники, получив свои КПК, активировали их и звонили родным. Снегирев вошел в свободную кабинку. Крошечное помещение состояло из столика, небольшой ЭВМ и микрофона. Арсений запустил ЭВМ и вошел в личный кабинет. Сначала он хотел написать письмо, но потом передумал и подключил микрофон.

Снегирев какое-то время сидел молча, размышляя о том, что рассказать семье, его переполняли впечатления от увиденного им города.

– Ну, привет, мои родные, – начал он.

Голос Снегирева зазвучал неестественно. Он хотел рассказать отцу о ракетах, что увидел в поезде, сестрам и брату – о волшебном городе, и успокоить мать, которая наверняка волнуется за него. И всем им вместе сказать, как он будет скучать. Записывать сообщение оказалось сложнее, чем он думал. И все получилось как-то скомкано:

– Я добрался хорошо, с ребятами познакомился. Город красивый, современный, совсем не такой, как я ожидал. Сейчас регистрацию прошел. Напишу подробно вечером. Сейчас мне пора, до свидания!

Снегирев остановил запись.

Когда он вернулся, его группа стояла около белой башни.

– Арсений, наконец-то! – воскликнула Сталина, – а то мы тебя потеряли. Где ты был?

– Я сообщение отправлял семье. Вот и задержался, – извиняясь, ответил Снегирев.

– Ничего, это дело важное, – ответил Ким. – Ну, теперь в путь. Нас ждет самое интересное.

После регистрации первокурсники отправились осматривать корпуса университета. Первым зданием был кибернетический институт, он располагался сразу за обсерваторией. Студентам бросились в глаза строгие геометрические формы здания. Два продолговатых корпуса, стоящие перпендикулярно друг другу, напоминали параллелепипеды. Стены из бетона, выкрашенные в белый цвет, дополняли огромные окна; часть пристроек была расположена на сваях, под пристройками были расставлены столики и стулья. На плоской крыше зеленел сквер.

– Кибернетики будут учиться здесь, – объявил Ким.

Студенты курса кибернетики с интересом рассматривали здания. Арсений тоже изучал строгие формы строения. Девушки откровенно скучали.

– А что интересное есть внутри? – спросила Лаиля.

– Институт включает научные лаборатории, серверные, научную библиотеку по специальностям, – заученно ответил Ким.

– Значит, нам нечего там делать, – ответила Искра. – У нас другая специальность.

– Отчего же нечего? Можете посетить зимний сад. Вон он, на втором этаже здания.

В пристройке из толстого стекла, соединяющей два корпуса, виднелись пальмы и огромный платан.

– У нас там огромная коллекция кактусов, они поглощают негативные излучения. А напротив, если пройти через парк, минералогический музей.

Геологический институт, на который указывал Ким, был похож на корабль без мачты. Трапециевидное здание украшала мозаика из цветного стекла, которое переливалось на солнце. Часть центрального фасада была выложена камнем. По бокам центрального корпуса располагались здания меньшего размера. Композиция строений и игра солнца на стеклах создавали сказочную атмосферу. У геологического института бродило несколько студенческих групп, рассматривавших его со всех сторон.

– Давайте подойдем поближе, – девушки начали уговаривать Кима.

– Хорошо, но сейчас близко не подойти, видите, сколько там народа.

Оказавшись ближе, все удивленно разглядывали мозаики, Снегирев сделал несколько фотографий с помощью своего КПК, чтобы отправить домой.

– Здесь нет окон, – заметила Сталина, – как туда попадает свет?

– Через окна на крыше.

– Как это?

– На крыше установлены окна-люки, через них и проникает свет.

– Давайте зайдем внутрь.

– Сейчас нет времени. Но после можно обойти хоть все здания. Здесь внутри минералогический музей. А теперь самое интересное! – объявил Ким.

Следующее здание выглядело как станция запуска ракет. Фасад основного корпуса украшали металлические перекладины. Сам корпус из бетона напоминал прямоугольник. Рядом с ним белела вертикально установленная ракета.

– «Союз» – Биробиджан, Маркс и Арсений воскликнули вместе.

– Точно! Ракета «Союз» украшает наш институт проектирования космических комплексов. Гордость нашего города! – торжественно объявил Ким.

– А где институт иностранных языков? – спросила Лаиля.

– Мы его обошли.

– Как?! – возмутились девушки.

– Вы сами уговорили меня пойти к геологическому. Так что чур не обижаться. Институт видно отсюда, он рядом с кибернетическим.

Институт иностранных языков выглядел как параллелепипед с пристроенной к нему широкой цилиндрической колонной и несколькими пристройками на сваях.

– Что-то знакомое? – протянула Искра.

– Точная копия дома культуры имени Зуева, что в Москве.

– Да, я вспомнила. Я на экскурсии там была.

Биробиджан, Маркс и Арсений бродили около здания, разглядывая ракету. Остальные студенты собрались около

Кима.

– Сейчас мы отправимся к центральному корпусу – сердцу нашего города, – объявил Ким, – а потом вас ждет минутка агитпропа. После можно будет прогуляться по городу.

Еще раз взглянув на «Союз», Снегирев вместе с группой отправился к главному корпусу. Группы первокурсников, которые начали экскурсию раньше, уже собрались около высотки: кто-то бродил по парку, кто-то сидел на скамейках. Парк, по которому шла группа Снегирева, выглядел старым. Там были развесистые клены, каштаны и липы; вдоль дорожек стояли скамейки, около больших лужаек – разноцветные автоматы с газированной водой и мороженым.

Центральное здание было точной копией высотки МГУ. Напротив него на постаменте находилось причудливое металлическое приспособление. Оно было небольшое, конусообразное и издалика походило на вышку связи. Рассмотрев его поближе, Снегирев убедился, что это ни что иное, как две наклонные металлические спирали. Они словно проходили одна через другую. Вместе их держала стальная опора. Конструкция напомнила Арсению падающую башню с одной иллюстрации. Он как будто видел ее раньше, но так и не смог вспомнить, где именно.

– Что это такое? – спросила Лаиля.

– Это памятник третьему интернационалу, – объяснил Ким, – но мы зовем его «Интеграл». Он символизирует единение дел и помыслов, которое приведет нас в прекрасное

будущее.

– Выглядит не очень симпатично, – проговорила Искра.

– Да, но главное – идея! Как раз пришло время для минутки агитпропа. Если вопросов нет, тогда можем идти.

– А где здания общежитий? – спросил Маркс.

– Они находятся позади основного здания. После агитпропа я их вам покажу.

Вопросов накопилось много, Ким то и дело показывал и рассказывал. Пока остальные расспрашивали экскурсовода, Снегирев заметил у одного из автоматов с газированной водой рабочего в синем комбинезоне, которого окружала толпа студентов. Мужчина, средних лет, был невысокого роста, издавлек он казался Снегиреву каким-то квадратным и грубым. Рабочий чинил один из автоматов, а студенты, толпясь, мешали ему. Он то и дело подходил к первокурсникам, а те, как рыбки, разбредались в разные стороны, кто-то даже переходил на другую сторону дорожки. Разогнав первокурсников, рабочий снова брался за инструменты и залезал в автомат.

– А что, здесь тоже есть беспартийные? – удивленно спросила Клара, указывая на рабочего в синем комбинезоне.

– Да, и у нас тоже, – ответил Ким.

Несмотря на то, что коммунизм был построен, в Советском Союзе были те, кто находился вне партии. Чаще всего это были бывшие партийцы, которых исключили. Они выполняли самую тяжелую или непрестижную работу, за ко-

торуую получали талоны на продукты и товары. Компартия формально не запрещала общаться с беспартийными, но и не приветствовала такое общение. Беспартийные до сих пор не побороли в себе мещанский уклад и вредные привычки, а потому были плохой компанией для партийцев и комсомольцев.

Когда студенты из группы Снегирева проходили мимо Интеграла, рабочий пересекся с ними. Один из студентов, заведя беспартийного, отошел в сторону.

– Да не бойтесь, не расстреляют! – весело проговорил беспартийный.

– В Советском Союзе никого не расстреливали! – возмущенно ответила на это Сталина.

– А при Сталине? – рабочий слегка прищурился.

– Сталинские репрессии и концлагеря – это ложь западной пропаганды. Ничего этого в реальности не было! – подержала Лаиля подругу.

– Ну, буду знать! – ответил рабочий. – А тебя как звать?

– Лаиля.

– А где Кукуцаполь?

Девушки покраснели.

– Так, Степан Трофимович, – вмешался Ким, – у вас здесь какое-то срочное дело?

– Да нет, высокотехнологичный автомат для газированной воды опять вышел из строя. Вот починял.

– Благодарим вас за ваш труд, – ответил Ким.

– Пусть ваша партия меня благодарит, – ответил Степан, удаляясь.

– Фу, какой грубый! – проговорила Лаиля, когда беспартийный скрылся из виду.

– Некультурный человек, – добавила Сталина.

– Не до всех коммунизм дошел, – подытожил Маркс.

Снегирев промолчал.

– Ахиллесова пята нашего города – это беспартийные, – объяснил Ким, – но нам приходится мириться.

– А общаться с ними не запрещено? – спросил Снегирев.

– Можно, – ответил Ким и добавил: – Если ты захочешь сагитировать кого-то вступить в партию.

По пути ко Дворцу Труда Снегирев думал о беспартийном и его вопросе про сталинизм.

О сталинских репрессиях говорили вполголоса, и не так чтобы говорили – судачили, потому что никто ничего толком не знал. Хрущев, по слухам, хотел развернуть какую-то масштабную компанию против Сталина, но не успел – его сняли. Сторонники программы Хрущева все же остались, их прозвали хрущевцы. Они, якобы, искали доказательства вымышленных репрессий.

Компартия боролась с хрущевцами, беспощадно атакая на них в печати, по телевизору то и дело доказывали смехотворность предъявленных Сталину обвинений. Никто из окружения Снегирева не поддерживал хрущевцев, к тому же в колхозе «Красный путь» их не было. Арсений слышал о ре-

прессиях, но немного. Большинство считало хрущевцев бездельниками и дармоедами, которые выдают свою бесполезную деятельность за важное дело; считало, что если репрессии и были, то Сталин не имел к ним никакого отношения и все это перегибы на местах; считало, что если пострадавшие и были, то они пострадали за дело.

– Ты что, хочешь общаться с этим некультурным? – удивленно спросила Сталина, когда студенты подходили к двору.

– Он перевоспитать его решил! – ответил Маркс.

– Ничего я не решил, просто уточнил, можно ли разговаривать, – защищался Снегирев.

Он смутился от того, что попал в такое глупое положение, и переживал о том, что теперь Сталина будет о нем думать.

– А что, у вас в колхозах вы с ними общались? – спросила Искра.

– У нас в колхозе нет беспартийных, – ответил Снегирев. – Но я знаю, что они есть в городе. А вы разве с ними совсем не разговариваете? – спросил он Искру.

– В нашем дворе живет один, – ответила она. – И с ним никто не общается.

– Даже в целях перевоспитания? – просил Снегирев.

– Их не перевоспитаешь, – проговорил Биробиджан.

– Мало того, что некультурный, так еще и политически неграмотный, – заметила Лаиля. – Слышали, что он про Сталина сказал?

– Неужели у них не ведется политинформирование?

– Должно вестись, – ответил Биробиджан, – иначе они быстро превратятся в идеологических врагов.

– Арсений, а вы и вправду никогда не видели беспартийных? – спросила Лаиля.

– Ну, видел, мельком.

– Удивительно даже.

– Удивительно, что при развитом социализме нет беспартийных, а при коммунизме есть, – заметил Биробиджан.

– Это от того, что в колхозах верят в коммунизм, – заключила Сталина.

Глава 4 Агитпроп

Экскурсия закончилась у громадного здания, напоминающего готический собор. Снегирев видел такие в энциклопедии. Центральный корпус тянулся ввысь, его окружали квадраты и прямоугольники поменьше. Почти все здание было сделано из стекла, сбоку находилась небольшая пристройка с куполом.

– Вот и пришли. Это Дворец Труда.

Первокурсники зашли внутрь, их ожидала минутка агитпропа.

Студенты оказались в огромном холле, там было тесно и шумно. Студенческие группы громко переговаривались, ожидая, когда их пропустят в зал.

– Так много первокурсников.

– Да, в этом году набрали две тысячи студентов, – ответил Ким, – тысячу юношей и тысячу девушек.

Собравшиеся отправились в амфитеатр – огромный зал с рядами сидений, расположенными полукругом. Первокурсники рассаживались в первых рядах. Студенты старших курсов занимали ряды наверху.

На сцене стояли несколько стульев, а комсорги, и среди них Ким, готовились к чему-то.

Минутка агитпропа, или, по-другому, минутка агитации

и пропаганды, обычно длилась час. Снегирев привык к ним – такие мероприятия были обязательными для всех, начиная со старших классов школы. Пропуск хотя бы одного вызывал сомнение в верности партийца заветам Ленина, Сталина и партии. Во время минутки сообщали сводки с фронта, политинформацию и мотивировали рабочих к самоотверженному труду, а школьников – к прилежной учебе.

Когда все заняли свои места, комсорги устроились рядом со своими группами, а на сцену вышел ведущий – спортивного вида студент старшего курса. Он тоже был комсоргом, как и Ким.

– Первокурсники! – обратился он.

Студенты зашумели.

– Вас не слышно!

Студенты начали громко аплодировать.

– Вот теперь я убедился, что вы с нами. Добро пожаловать в Пик Коммунизма! Кто знает зачем мы здесь собрались?

– Для политинформации.

– Точно!

– Мотивации.

– Да, все верно. Но давайте подумаем вот о чем: что нужно человеку для жизни?

– Воздух.

– Вода.

– Пища.

– Так, а еще?

– Труд.

– Однозначно. А что еще?

Ответы закончились, студенты раздумывали, что еще предложить.

– Итак, – подвел итоги ведущий, – человек – живой организм: он нуждается в кислороде, воде, энергии, которую получает из пищи, в отдыхе. Восьмичасовой сон необходим нашему мозгу. И конечно, труд. А что насчет мечты? У вас есть мечта?

– Да! – начали отвечать первокурсники.

– Пусть каждый из вас скажет своему комсору, о чем мечтает.

Ким начал расспрашивать группу Снегирева. Кто-то мечтал вступить в партию, окончить с отличием университет, выиграть путевку.

– А у тебя? – спросил Ким Арсения.

– Я мечтаю полететь к звездам, – просто ответил Снегирев.

– Отлично! Выходи на сцену.

Снегирев опешил.

– Выходи, не робей! – подбодрил его Ким. – Расскажешь о своей мечте.

Снегирев на глиняных ногах побрел к сцене. Огромный зал следил за всеми его движениями. Еще несколько студентов присоединились к нему.

– А вот и наши мечтатели. Поприветствуем!

Зал разразился аплодисментами.

– О чем ты мечтаешь? – спросил ведущий первого студента.

– Я мечтаю ступить на Марс.

– А ты?

– Я мечтаю отыскать неизвестный науке минерал.

– Я мечтаю полететь к далеким звездам, – ответил Снегирев, когда пришла его очередь.

Последний, студент-кибернетик, мечтал создать мощный искусственный интеллект.

Зал снова зааплодировал.

– Сейчас две тысячи шестнадцатый год, а наука наша продвинулась настолько, что мы колонизировали Луну, а скоро колонизируем Марс. Что касается искусственного интеллекта, то он создается.

– Да, но еще очень примитивный, – пояснил кибернетик.

– Вопрос времени! Ступим на Марс, а потом и с искусственным интеллектом справимся. Мечты у нас хорошие, – продолжил ведущий, – а что же делать, чтобы они исполнились?

– Труд, – отвечали первокурсники из зала.

– Учеба.

– Самоотверженность.

Ведущий кивал, но было видно, что ответы не устаивают его.

– Цель!

– Верно! – ответил комсорг. – Нужно найти цель и идти к ней, но как к ней приблизиться?

Несколько минут в зале было тихо. Снегирев следил за лицами первокурсников, они выражали сосредоточенность и готовность отвечать. Но ответов не следовало.

– Идеи, как это сделать, – проговорил Снегирев.

Его голос не было слышно со сцены, но ведущий расслышал его.

– Повтори свой ответ! – приказал ведущий и подал Снегиреву микрофон.

– Идея.

– Верно! Чтобы мечта исполнилась, нельзя сидеть сложа руки, нужны идеи. Но разве одна идея поможет?

– Нет.

– Нужно много идей! – ответили из зала.

– Но ведь так и запутаться можно! – воскликнул ведущий.

– На какую идею равняться, если их тьма?

– Сверхидея! – крикнул кто-то.

– В точку! – похвалил комсорг и продолжил, обращаясь к первокурсникам: – Сегодня вы стали частью нашего города-университета. Видели «Интеграл»?

Первокурсники закивали.

– Он символизирует единение дел и помыслов. Став частью Пика Коммунизма, вы доказали, что способны усердно учиться, достигать высоких целей и преодолевать самих себя. Мы гордимся вами!

Пламенная речь воодушевила первокурсников. Студенты в зале ликовали. Снегирев чувствовал, как бешено колотилось сердце у него в груди. Кибернетик, стоящий рядом со Снегиревым стоял по стойке смирно, словно на параде.

– Теперь вам предстоит стать частью чего-то большего, чем просто университет, – продолжил комсорг. – Не я – Родина ждет от вас высоких достижений! Но как сделать так, чтобы все наши мечты сбылись? – спросил комсорг и ответил: – Сверхидея – вот, что нам нужно! Только она способна собрать воедино все наши цели и помыслы, только она способна увлечь за собой и вести вперед!

Первокурсники сидели завороченные и не отрываясь глядели на ведущего.

– Наша партия удовлетворила все наши нужды, — продолжал он, — мы получаем все по потребностям. Но способны ли мы достичь целей, который она перед нами поставила?

– Да! – наперебой закричали первокурсники.

Арсений стоял ошеломленный, в зале все ликовали, некоторые студенты не могли сдержать слез.

– Мы мечтаем ступить на Марс, открыть новые минералы, полететь к далеким звездам, – ведущий почти кричал. – Чтобы достигнуть цели, нужна сверхидея, которая и будет направлять нас всех. Идея, которой можно посвятить всю жизнь, за которую не жаль отдать ее! Вы готовы посвятить идее свою жизнь? Готовы отдать жизнь за нее?

– Да!

Студенты пришли в исступление: кричали, рыдали и аплодировали. Шум зала скоро заглушил речь ведущего. Снегирев смотрел на первокурсников: еще минуту назад размышлявшие над вопросами, они словно потеряли разум, с глазами, полными неистовства, студенты кричали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.